

*Моему мужу Рэнди,
готовому танцевать со мной
снова и снова*

На Площади фонтанов, в самом центре столицы Галатия, раскинулась Шелковая ярмарка. Закружили в воздухе легкие ароматы шелков и красителей, запестрели всеми цветами радуги серые плиты тротуара. Я зажмурилась, вдыхая кислый запах влажной шерсти.

— Как же здесь чудесно, Алиса!

Моя помощница, уже успевшая обгореть на солнце, следовала за мной по пятам. В руках она держала список покупок и учетную книгу, куда я обычно заносила все ярмарочные расходы. Сегодня заносить расходы в таблицу и вести бюджет я доверила Алисе — когда она откроет собственное ателье, ей это пригодится.

— С чего начнем? С парчи? Или с шерсти?

— Нам нужна хлопковая ткань, — напомнила Алиса. — В последнее время нам заказывают одни только платья-сорочки. Уже пошел в дело последний рулон сатина.

Моя крайне практичная помощница, не потерявшая головы перед всем этим великолепием ярко окрашенных шелков, была права. После того как я придумала и сшила для леди Виолы Сноумонт платье, пенистое, как океанская волна, за счет изящных оборок на рукавах и груди, на наш магазин, как из рога изобилия, посыпались заказы на подобные модели. Дерзкий фасон привлек в ателье новых покупательниц — только треть этих модниц просили вшить в подол или складки платья мои неповторимые чары.

— И то верно: вначале — хлопок, после — шелк.

Я заговорщически ухмыльнулась, и на губах рассудительной Алисы заиграла улыбка. Даже ей было не устоять против искушения шелком.

— Бедная Эмми, — вздохнула девушка.

Нашу новую помощницу мы оставили присмотреть за ателье и подшить пару подолов.

— Может, мне стоило взять ее с собой? — ехидно подмигнула я.

— Нет, конечно же нет! — воскликнула Алиса. — Я ведь буду вести учет материалов и должна понимать, как происходят закупки. К тому же нам нужен шелк...

Затем она широко улыбнулась, и я рассмеялась.

— Вы надумали взять еще одну сотрудницу?

— Надумала, — вздохнула я и решительно зашагала мимо прилавка, доверху набитого изысканной парчой. — Хотя и не уверена, что взлет нашей торговли продлится достаточно долго. А что может быть хуже, чем нанять человека на пару месяцев, а потом выставить его вон...

— Знаете, что я вам скажу? — произнесла Алиса. — Для большинства швей, что остались не у дел, лучше уж поработать пару месяцев, чем прозябать в нищете. А безработных белошвеек сейчас — пруд пруди.

Это была чистая правда: когда вспыхнувшее в Средизимье восстание было подавлено, город охватил застой — кто-то из патрициев спешно уехал в летние резиденции, строительство застопорилось, и даже самые преданные заказчики существенно ограничили свои траты. Такой побочный эффект, горестно размышляла я, не предвидел ни мой брат, ни его приспешники. По сравнению с соседними магазинчиками мое ателье, можно сказать, процветало, но и то лишь благодаря моему знакомству с леди Сноумонт и ее подругами.

— Ты мудра не по годам. И рано или поздно из тебя получится непревзойденная владелица магазина.

Как только будет принят «Билль о реформе», над которым Теодор корпел со времени подавления мятежа Средизимья, начать свое дело станет намного проще, и дупотопная юридическая волокита, эта препона для лю-

бой частной инициативы, канет в Лету. Я понимала — настанет день, и Алиса уйдет от меня и откроет собственное ателье.

— А вот и хлопок!

Нужную мне ткань нашла не сразу; пришлось миновать несколько ларьков с посредственными тканями, прежде чем я увидела то, что нужно. Я пробежала пальцами по хрустящей кромке муслина, погладила нежный обрез сатина. Хозяин, хлипкий и тщедушный представитель Объединенных Экваториальных Штатов, беспокойно маячил внутри лавки. Алиса семенила за мной, словно щенок, с нетерпением ожидая, что же я выберу.

— Вам понравился этот сатин? — спросил продавец, подходя к нам. — У меня в запасе пять рулонов похожей ткани, а вот эта — одна из лучших.

С этими словами он развернул перед нами рулон почти что невесомого хлопка.

— Нет, тот сатин лучше. Правда, Алиса?

— Да, этот чересчур легкий, ниже белье будет все напоказ, — кивнула она.

Торговец сконфуженно втянул голову в плечи.

— Алиса, да ты гений! Только представь себе слегка просвечивающее платье с ярко-розовым или темно-синим кушаком и нижней юбкой под цвет.

— Но ваше исподнее будет у всех на виду, — закатила глаза Алиса, протягивая мне рулон легчайшего воздушного хлопка, чтобы я пощупала ткань.

Я купила два рулона нежнейшего хлопка и три рулона более плотного сатина. Молодец Алиса: от одной только мысли о полупрозрачном платье захватывало дух. Я не сомневалась — в окружении леди Сноумонт найдутся те, кому подобный покрой придется по душе. Торговец пообещал доставить ткани в течение часа. Я же, глядя, как его помощник, возможно, сын, спотыкаясь и озираясь, растворяется в хитросплетении улочек и переулков Галатии, все более уверялась в том, что увижу свои покупки не ранее чем часа через три.

Следующая палатка, где мы остановились, принадлежала одной из моих любимых торговек шелком. Уже несколько лет я вшивала для этой женщины из Западного Серафа чары на доброе здоровье, и она всегда приберегала для меня свой наилучший товар. И, как всегда, Эйома засветилась от радости, когда я вошла.

— Мисс Софи! — Она низко склонилась в поклоне, и мое лицо залилось румянцем, хотя я знала, что подобное приветствие гостей — неписанный закон для жителей Серафа. — С тех пор, как я познакомилась с вами три года назад, мне становится лучше день ото дня. Я полна задора и жизни. В этом году я буду танцевать всю ночь на *шин-ате* моей дочери!

— Потрясающе, — пробормотала я, не понимая, о чем это она.

— Это традиционный свадебный обряд, — засмеялась Эйома. — Перед тем как молодые обвенчаются, женщины танцуют ночь напролет. И я тоже буду танцевать — благодаря вашим чарам!

Я смущенно улыбнулась, а ее долговязый сын тем временем достал из-под прилавка несколько рулонов ткани.

Не ткань, а само совершенство. Я провела пальцами по замысловатому узору парчи — розово-золототканой и цвета слоновой кости с едва заметным желтым оттенком — и представила придворное платье, которое сошью из нее. Зеленая парча искрилась так, что резала глаза, но я живо вообразила себе оплетенную шелком шляпу или вызывающе-яркий жакет-карако и усмехнулась. А матовая органза, казалось, струилась из рулона пенным потоком.

— Беру все, — выдохнула я.

Эйома настояла, чтобы мы отобедали вместе с ее семьей. Алиса с благодарностью приняла кружку холодного чая, мне же Эйома подала завернутые в салат-латук фрикадельки в молочном соусе. Ничего подобного я до сих пор не пробовала, но от трапезы получила ни с чем не сравнимое удовольствие.

Мы уже подходили к рядам торговцев шерстью, когда я вспомнила, что хотела купить отрез тонкого муслина для платков. Солнце припекало невыносимо — и это в самом начале лета! — Алиса немного сомлела, и лоб ее покрылся испариной.

— Отдохни-ка в тени, пока я хожу за муслином, — предложила я, и девушка охотно согласилась.

На площади становилось все многолюднее. Парочка жонглеров возле фонтана перебрасывалась тонкими оранжевыми кольцами, торговцы клубникой вразнос отвоевывали себе лучшие места для продажи. Шелковая ярмарка неудержимо влекла к себе людей — не одни лишь владельцы ателье да швеи отрывались от насущных дел и спешили в центр города. Ткани всех цветов и оттенков, призывно манящие изукрашенные шатры серафцев, квайсы, торгующие шерстью, и их пестрые овцы — развлечений хоть отбавляй, а этого-то и надо жителям Галатии.

Я остановилась между двух прилавков — на одном был кричащих расцветок набивной ситец, на другом — жесткая ткань полотняного переплетения. Один рулон особо привлек мое внимание: бело-голубой холст в крупную клетку, похожий на тот, из которого была скроена рубашка моего брата. Я пощупала край ткани: отличное полотно, но ничего выдающегося, таких полотен — как песка в море. Чернильно-синие, в рубчик — они хорошо подходили для рубах чернорабочих да кухонных передников, той одежды, которую я не шила. И все же я нежно разгладила складку на холсте и заправила ткань в рулон.

— Это ведь не твой профиль, — раздался у меня над ухом знакомый голос, заставив подпрыгнуть от неожиданности.

Нико Отни, прислонившись к ящику с брезентом, трепал в руках потертый бахромчатый краешек неокрашенной грубой мешковины. Сердце мое бешено заколотилось, но я быстро взяла себя в руки. Пусть Нико откровенно презирал меня и готов был спалить Галатию дотла ради победы Красных колпаков, здесь он не мог причинить мне вреда. И не стоило забывать, что он,

строго говоря, находился в розыске за участие в восстании и цареубийстве.

— Верно, не мой, — откликнулась я.

Несмотря на все старания, мой голос немного дрожал и звучал более натянуто, чем мне хотелось.

— Но, с другой стороны, ткани и не твой конек, не так ли?

— Да уж, — хмыкнул, соглашаясь, Нико, — иголка у меня из рук так и валится. Не руки, а крюки.

Теперь я поняла, почему мой брат благоволил к нему: находчивый и сообразительный, как Кростос, Нико не лез за словом в карман и был одарен редким чувством юмора. Но в то же время даже сейчас, под ласковыми лучами летнего солнца, от него веяло опасностью, бессердечием и необузданной силой. Мой брат был пером революции, Нико — ее кинжалом.

— Вообще-то я тут не ради тканей.

Он зашагал со мной рядом, и я искоса оглядела его: грубые льняные штаны, короткий холщовый жилет, распахнутый на груди, рубаха, по всей видимости, лучшая из имеющихся в его гардеробе, пышный кружевной воротник.

— Если вы хотите поговорить со мной, мистер Отни, вам лучше заглянуть в мое ателье, — напыщенно сказала я.

— Сама ведь знаешь, мне к тебе нельзя. — Ухмылка Нико угасла. — Не могу я дефилировать по торговым кварталам да наносить визиты. За моей головой до сих пор охотятся, да?

— Полагаю, что да. Помилование на зачинщиков восстания не распространяется.

— То-то и оно. И хотя, надо признать, они гоняются за нами спустя рукава... Мне, да показываться в твоём магазине? — Нико издал квохчущий смешок и покачал головой. — Немыслимо. Сразу же настучат. А здесь? Да здесь собралась половина Галатии!

Он пожал плечами, когда мы прошли мимо кучки докеров, покупавших клубнику у щекастой и босоногой крестьянской девчушки.

— Я тут как рыба в воде. Эти парни вряд ли заложат меня, даже если узнают.

Кивком головы Нико указал на троих мужчин в заляпанных брюках: те покатывались со смеху, пока дрессированная обезьянка обчищала карманы их четвертого горемыки-приятеля. Хозяин мартышки, обряженный в цветастый шутовской костюм, перехватил взгляд Нико и коротко ему поклонился.

— Превосходно! — Я вышла из себя. Не желала я ни видеть Нико Отни, ни вести с ним душещипательные беседы. — Что тебе надо?

— Не мне одному... — Ухмылка исчезла, Нико мгновенно посерьезнел. — Нам надо, чтобы приняли реформы.

— Само собой надо, — раздраженно бросила я. — Нам всем это надо. Если ты выслеживал меня, чтобы сообщить об этом, ты просто зря потратил свое время.

— Я не сказал, что нам *всем* это надо.

Нико подхватил меня под руку и потащил в тень раскидистого тополя, чьи семена — нежно-желтый пух — плыли мимо нас в струях освежающего бриза.

— Большинство тех, кто голосует в Совете дворян, не желают никаких реформ, верно? Они и без реформ живут припеваючи. К гадалке не ходи — они выступают против реформ, что продвигает твой принц.

— Верно, — осторожно ответила я.

Я бы не поручилась за каждого голосующего в Совете, однако многие дворяне открыто высказывались против реформ, которые подготавливались вот уже несколько месяцев.

— Но у меня нет права голоса, помнишь?

— Зато у тебя есть возможность общаться с людьми, у которых это право есть, — наседали на меня Нико. — Реформы должны пройти, иначе не миновать очередного мятежа.

Я окинула Нико оценивающим взглядом: лучшая рубашка с накрахмаленным воротником, волосы, тщательно приглаженные под выдавшей виды треуголкой, которую он неловко, но решительно стащил с головы.

— Давай-ка без угроз...

— Я не угрожаю. — Нико хлопнул треуголкой по ноге и вздохнул. — Я просто... Просто объясняю тебе. Прошу тебя, брось жеманничать. Сейчас ты как никогда близка к нашему союзнику в верхах, единственному, который поддерживает нас, гнувших спины на поденной работе.

— Верь мне, Нико, ничто не ускользает от внимания Тео... принца Теодора, и его Малый совет представит Совету дворян «Билль о реформе» в ближайшие две недели.

— А если он не пройдет, что тогда?

Я задумалась. Вспыхнувшее в Средизимье восстание было подавлено, а значит, следующий мятеж продумают более тщательно, и разгорится он не по прихоти одного-единственного человека, но по вине правительства страны, потерпевшего полнейший провал. Люди уже не бунтовали, однако ярость их до сих пор не угасла, она лишь подспудно тлела, выжидая подходящего мгновения, чтобы вспыхнуть вновь.

— Тогда, — отозвалась я еле слышно, — снова прольется море крови.

— Нас ждет не просто мятеж, а настоящая революция — организованная, идущая до конца. Представь, что тебе доверили политическую жизнь страны, а ты подвела тех, кто в тебя верил.

Нико затряс головой и тихонько присвистнул.

— Цена подобной ошибки будет невообразимой, — сказала я.

— Но будущее не обязательно должно строиться на крови, — уверенно заявил Нико.

У меня комок подступил к горлу, я с трудом выдавила из себя:

— Похоже на цитату из трудов Крестоса.

— Она и есть. Совсем свежая.

— Ты... Он — здесь? — Страх захлестнул меня, горло судорожно сжалось. — Он не мог... Его ведь не схватили, Нико? Но он не...

— Тише, не волнуйся и не обращай ко мне по имени.

Темные глаза Нико превратились в щелки-бойницы. Решительно и непреклонно я встретила его взгляд.

— Нечего меня успокаивать. А ну, говори. Он же мой брат.

— Я сообщаю ему обо всем, что здесь происходит, и он беспрерывно пишет. Я нашел новую типографию, ну и, само собой, у нас остались прежние каналы сбыта. Но как он и где он живет, я тебе не скажу.

— Да я и не спрашиваю.

— Ну, вот мы и подошли к самой сути, Софи. Мы делаем все возможное, мы кормим людей обещаниями, но в одиночку нам эти обещания не выполнить. Памфлеты твоего брата вдохновляют людей, они готовы держать себя в руках и ждать «Билль о реформе». Пока этого достаточно. Людям нет нужды восставать и сжигать все дотла, — Нико самодовольно ухмыльнулся. — Знала бы ты, сколько раз в «Ели и Розе» я уговаривал Красных колпаков отложить вилы и повременить. Но людям необходимо то, ради чего им стоит ждать.

— Полностью с тобой согласна, — кивнула я.

Пушинка, слетевшая с тополя, опустилась на плечо Нико. Я еле удержалась, чтобы не смахнуть ее прочь.

— Тогда принимайся за дело. Стань нашим голосом в переговорах с дворянами. Если ты скажешь, что народ готов снова взяться за оружие, тебе они поверят быстрее, чем твоему принцу. Ты плоть от нашей плоти, возвысь же свой голос во имя людей, втоптаных в грязь!

Нельзя сказать, что мне понравилась эта сентенция, однако Нико был прав. Не так уж и долго я вращалась в высшем свете, куда ввел меня Теодор, но уже сполна почувствовала на себе и пренебрежение, и постылое любопытство знати.

— Значит, ты хочешь, чтобы я трещала, как сорока?

— Стань гласом народа! — Нико сжал в кулаках обтрепанные поля треуголки. Тулья шляпы давным-давно выгорела на солнце. — Помоги нам. Я... Я был груб с тобой в эту зиму, знаю, да и брат твой никогда не понимал ни тебя, ни твоего стремления тратить свой драгоценный дар на сильных мира сего. Ты отшила беднягу